

Альберт
Восканян

Остап Бендер,
князь Микеладзе,
архангел Гавриил
и... ОБХСС

ЮМОР И САТИРА

18+

Альберт Завенович Восканян
Анжелика Захарян
Жанна Аванесян
Виктория Восканян
Остап Бендер, князь
Микеладзе, архангел
Гавриил и...ОБХСС

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38847120

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1570-5

Аннотация

В книгу «Остап Бендер, князь Микеладзе, архангел Гавриил и... ОБХСС» Альберта Восканяна вошли юмористические и сатирические рассказы, сюжеты которых в основном взяты из реальной жизни. О серьёзном автор пишет с юмором, иногда с сарказмом, но в целом не делает категоричных выводов и предоставляет возможность самому читателю разобраться в той или иной ситуации. Лёгкий юмор, на котором построено большинство рассказов, поднимает настроение, а безобидная сатира заставляет остано-виться, оглянуться, посмотреть на себя со стороны. Автор фотографий Альберт Восканян.

Содержание

Патриотизм и вино, или как я получил нагоняй от француженки	4
«Земляк Петросяна...»	8
Непропетая «Мурка»	17
Чего только не привидится после...	22
Аркадич	25
Стакан чая	35
Судьба на колени	43
Как архангел Гавриил перевоспитал Алика	48
Любовная каша	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Патриотизм и вино, или как я получил нагоняй от француженки

Практически все без исключения люди любят свой край, свой город, посёлок, село и гордятся тем, чем славится их край. Естественно, всё это прекрасно, если бы не некоторые перегибы в этой любви...

Отработав день в Совете Европы (Страсбург, Франция), мы, наша интернациональная группа из 4 человек, решили поужинать в ресторане. Подошла учтивая, симпатичная официантка-француженка, чтобы принять заказ. У меня чуть челюсть не упала – до того было поразительное её сходство с Мирей Матье... Чуть-чуть полноватые бёдра не портили, наоборот, в глазах кавказского мужчины делали её ещё приятней. А голос... Голос напомнил мне тихое, нежное журчание лесного родника...

Приняв заказ на еду, она перешла на выпивку. Тогда я пил исключительно вино и поэтому заказал бокал красного сухого. Тут надо отметить, что среди всех нас французский язык знал только наш друг немец, который стал как бы связующим звеном между нами и прекрасной француженкой. Наша «Мирей» принесла всем выпивку, мне бокал вина, и я поймал себя на мысли, что не могу отвести своего взгляда

от её красивого лица. И тут я почему-то вспомнил французские фильмы и книги про Францию и, сделав глоток вина, посмотрел в её глубокие, чуть раскосые глаза, спросив: «Мадам, это «Бордо»?» Это единственный сорт вина, который я вспомнил. И тут... у нашей мадам лицо перекосилось, она широко расставив ноги, положила руки на пояс и громко, чуть ли не басом начала что-то кричать мне... Прекрасное лицо мадам в течении секунды каким-то волшебным образом преобразилось и начало напоминать мне лицо Бабы-яги из кинофильма «Морозко». К своему ужасу я вдруг увидел, что у неё среди нижних зубов появились два белых клыка...

В ресторане наступила зловещая тишина, люди за столиками перестали есть, смотрели в нашу сторону, и я почувствовал их недоброжелательные взгляды. Наш друг немец сидел бледный, мы сами притихли, не понимая причины гнева Мирей-яги. И тут, мадам, резко повернувшись, ушла куда-то. Все мы вопросительно посмотрели на нашего немца, который объяснил причину её гнева, укоризненно глядя на меня: «Это регион Эльзас, а ты похвалил вино региона Бордо...»

Тут снова подошла Мирей-яга, резко поставила передо мной новый бокал красного вина и что-то сказала, зло глядя на меня. На солнце хищно блеснули два её клыка... Наш друг перевёл: «Вот тебе бокал «Бордо», попробуй и скажи, какой лучше?» При этом немец успел шепнуть мне: «Скажи, что «Эльзас» лучше...». Я оглянулся и заметил, что посети-

тели напряжённо смотрят на меня и ждут ответа. Некоторые даже приподнялись со своих стульев...

Никуда не денешься – взял бокал «Бордо», понюхал жидкость, пригубил и положил на стол. После этого сделал то же самое с бокалом вина «Эльзас»... Вокруг напряжённая тишина... Эту процедуру я повторил ещё раз и произнёс, не спеша, спокойно: «Мадам, «Бордо» – тьфу!» – и опустил большой палец руки вниз – «Эльзас – класс!» – я поднимаю большой палец вверх.

И вдруг снова чудо – лицо нашей мадам резко преобразилось, стало потрясающе-красивым, клыки куда-то исчезли, она снова превратилась в Мирей Матье! После моих слов посетители ресторана одобрительно загудели, успокоились и продолжили трапезничать.

Милая мадам, сверкая ровным рядом белых красивых зубов и улыбкой Матье, что-то ласково сказала мне. Немец перевёл: «Она говорит, что один бокал – бесплатно, за счёт их заведения». Тут я не выдерживал и с подколкой спросил: «А какой бокал за счёт заведения – «Бордо» или «Эльзас»?» Она вопросительно посмотрела на немца, а тот ей говорит на французском, что я благодарю её. А мне нервно и тихо: «Какая тебе разница, какой бокал бесплатный?! Дают – пей!»

Мадам, окинув меня приятнейшим взглядом, улыбнулась и, слегка покачивая своими полноватыми бёдрами, «поплыла» к другим столикам делать свою работу...

Потом мы долго обсуждали этот случай. Я рассказал о нём

моим друзьям в Карабахе, они смеялись, шутили... Но ведь наша мадам, по идее, поступила патриотично, ей стало «за державу обидно»: как может вино из другого региона быть лучше вина её родного Эльзаса»?!

Вот такая история приключилась со мной... Вроде прикольная, как говорится, история, но есть над чем подумать, поразмыслить...

Июль 2014 г.

«Земляк Петросяна...»

*Посвящаю всем, кто служил в
Группе Советских войск в Германии*

1

С человеком иногда происходят разные интересные истории. Некоторые из них с годами стираются из памяти, но некоторые врезаются в неё, и их без смеха невозможно вспоминать. Вот одна из моих таких историй.

После окончания 10-го класса мои документы не приняли в институте, куда я собирался поступать, и через пару месяцев мне пришла повестка о призыве в армию. Тогда случайно узнал, что отец договорился в областном военкомате, чтобы я служил, «там, где все». А это означало, что я должен был служить где-нибудь в Азербайджане, Грузии или Армении. Естественно, меня это не прельщало, так как видел много таких «солдат», которые из положенных 24 месяцев службы 18 бывали дома. И я сделал контр-шаг: пошёл в военкомат и добровольно попросил записать меня на... трёхгодичную службу в морской флот, что в военкомате с большим удовольствием и сделали. На следующее утро родители узнали об этом... и началось... Пишу коротко: пошёл compro-

мисс со стороны родителей – я отказываюсь служить в ВМФ и иду служить туда, куда попаду. Последнее было моим условием...

На трёх «ЛАЗах» нас, молодых, отвезли из Степанакерта в Баку, оттуда – на призывной пункт в Балладжары, где нас переодели в военную форму. После ночлега построили на плацу, пришли «покупатели»... Из карабахской команды только трое попали в одну группу, и нас, человек 50, сразу же отправили в аэропорт Бина. В аэропорту нас поместили в какой-то большой комнате, где каждый устроился как мог, в основном – на полу. Дали нам по банке тушёнки, сухие галеты, и сколько мы ни спрашивали офицеров, где будем служить, куда нас повезут, не получали ответа...

Ночью я почувствовал, что в горле у меня першит, начинаю набирать температуру (тогда у меня гланды не были вырезаны, и я постоянно болел ангиной). К утру мне стало совсем плохо, но пришлось терпеть... После переклички нас посадили в самолёт. Сколько мы летели – не помню, так как температура у меня уже подскочила. По прилёте нас высадили, снова сделали перекличку. Неподалёку стояло ещё несколько групп новобранцев, всех нас погрузили в военные машины и повезли. Тут мы узнали, что находимся в Германской Демократической республике, будем служить в Группе советских войск в Германии (ГСВГ), и нас везут с военного аэродрома в город Франкфурт-на-Одере, на место постоянной дислокации. Дальше я помню смутно: снова переклич-

ки, снова плац, какие-то офицеры-«покупатели». Мы, трое степанакертских парней, потеряли там друг друга. Я их потом увидел уже дома у нас, после демобилизации.

...Снова перекличка, грузовая военная машина, переделанная под перевозку людей. Потом был перрон, снова перекличка... голова уже кружится, не могу глотать простую воду, температура, чувствую, зашкаливает. Капитан, сопровождающий нас, просит меня потерпеть... Ехали на электричке, где я впервые увидел и узнал, что одеколон, оказывается, можно пить...

Вышли на перрон, перекличка, потом снова посадили в машины, и через два часа мы въехали в войсковую часть, ворота за нами закрылись.

«Всё, служба твоя начинается, и это был твой выбор – не хотел служить рядом с домом...» – говорит мне откуда-то появившееся второе «Я».

Отогнав второе «Я» на, если говорить культурно, «определённую дистанцию», я со всеми новобранцами вошёл в казарму. Нам выдали военную форму, показали, как правильно пользоваться портянками, как надевать сапоги и т.д. Делаю всё, что говорят, но механически: голова болит, раскалывается, дышать трудно, лицо, тело горят...

Тут нас, уже одетых в военную форму, построили в казарме, и сержант, как сейчас принято говорить, «лицо кавказской национальности», дал команду, чтобы каждый представился и назвал военный округ, откуда прибыл. Мне самому

стало интересно, есть ли кто из земляков. Но слышу только: «Прибалтийский военный округ... Среднеазиатский военный округ»... Тут подошла моя очередь, и я с трудом выговорил свою фамилию, добавив, что из Закавказского военного округа. Смотрю, сержант (оказалось, что он из Дагестана, по фамилии Магомедов) подходит и с интересом спрашивает, откуда я конкретно. Я отвечаю. Лицо сержанта расплывается в улыбке, и он говорит мне: «А-а-а-а... земляк Петросяна!»

Было два часа ночи, когда нам дали команду «отбой», предупредив, что подъём будет в 6.00, потом – зарядка, а в 7.00 будет завтрак. Состояние моё было незавидное – ноги подкашивались, перед глазами появились какие-то круги, говорить практически не мог, даже не было сил подумать, а кто такой Петросян?.. Оказалось, что до утра мне придётся ещё не раз услышать эту фамилию. Но об этом чуть позже...

Я подошёл к Магомедову и заплетаясь языком кое-как объяснил ему, что заболел в дороге, плохо себя чувствую. В ответ: «Земляк Петросяна, перестань, ложись спать!»

Но тут Магомедов посмотрел внимательно на меня, потрогал лоб и забеспокоился. Он позвонил куда-то, и минут через десять явился старшина-сверхсрочник Носюк, как потом оказалось, ответственный за карантинную роту. Магомедов доложил ему, Носюк подошёл ко мне и спросил фамилию. Я ответил. Он улыбнулся и с мягким украинским ак-

центом, певуче произнёс: «А-а-а... земляк Петросяна!» Через секунду добавил: «А ну-ка, марш спать!»

Но потом, оглядев меня, потрогал мой лоб и дал команду Магомедову срочно сопроводить меня в санчасть...

2

Здание санчасти было рядом с нашей казармой, через пару минут мы вошли в комнату, где были врач – старший лейтенант, и миловидная медсестра Людмила, которые болтали, коротая время. Магомедов объяснил им, что я из карантина, из сегодняшней партии новобранцев, пожелал мне здоровья и ушёл, сказав, что завтра зайдёт. Медсестра Люда открыла журнал, взяла ручку и спросила у меня фамилию, чтобы сделать запись. Пересилив себя, я кое-как произнёс свою фамилию и... услышал в ответ уже знакомое мне: «А-а-а-а... земляк Петросяна!» Она уже собиралась выйти, чтобы догнать Магомедова, но тут я попросил потрогать лоб, измерить температуру. Она с недоверием подошла ко мне, встряхнула градусник и протянула мне. Я положил его под мышку... Медсестра отошла, села рядом с врачом, и они начали что-то говорить – чувствую, про меня...

Мозг у меня от температуры начинает «плавиться», еле держусь на табуретке, появляется чувство нереальности, что это не со мной, это сон, я сейчас проснусь и буду у себя дома в Степанакерте, с родителями... Тут снова появляется моё

второе «Я» и шепчет мне на ухо: «Так тебе и надо, не хотел служить рядом с домом, не послушался родителей...» Ответить у меня не было сил...

Подошла медсестра Люда, посмотрела на градусник – глаза у неё стали круглыми... Она подошла к врачу, показала ему термометр. В ответ я услышал тихую речь врача и снова слово: «Петросян». Врач взял градусник, встряхнул его и сам положил мне под мышку. Он сел рядом, не отводя от меня глаз. Дальше было всё как в тумане – смутно помню укол, встревоженные лица врача и медсестры... Потом мне выдали больничную пижаму, и перед тем, как вырубиться в пустой палате, было ощущение, что лечу в бездну... Эта была самая длинная ночь в моей жизни... Внезапно послышались шипящие звуки, появились какие-то рожицы, черти... Я понял, что в бреду... И вдруг появился кто-то большой, чёрный. Он наклонился надо мной, оскалив зубы, и, смеясь, произнёс: «Я Петросян!» Чудовище потянуло меня за рукав, я сопротивлялся как мог, отталкивал... Вдруг чудовище начало говорить со мной голосом милостивой медсестры Люды: «Просыпайся...» Я открыл глаза и увидел медсестру, которая звала меня, в руке у неё были шприц и какие-то таблетки... Сделав укол и дав выпить таблетки, она ушла, и я снова полетел в бездну...

Проснулся я от луча солнца и каких-то тяжёлых звуков, похожих на громкое выдыхание человека. Приподнявшись на локте, я отодвинул занавеску и увидел такую картину:

невысокий здоровый волосатый парень с голым торсом, стоя ко мне спиной, с лёгкостью выжимал тяжёлую штангу, потом, бросив её на землю, схватил две 16-ти килограммовые гири и начал чуть ли не жонглировать ими в воздухе. В конце этот парень нагнулся к крану и стал обливаться холодной водой (на дворе был ноябрь), после чего начал обтираться солдатским вафельным полотенцем. Надевая больничную пижаму, он повернулся ко мне в профиль, и я увидел его крупный орлиный нос...

Через минуту в коридоре санчасти послышались чьи-то тяжёлые шаги, открылась дверь моей палаты и вошёл тот самый «штангист», как я его окрестил в уме. «Штангист» сразу спросил меня на армянском: «Ехбайр*, это тебя вчера ночью сюда привели? Это ты мой земляк?» «Наверное», – ответил я.

«Штангист» присел на табуретку, начали знакомиться, и когда узнал, что передо мной сидит сам Петросян, я, несмотря на мою температуру, чуть не задохнулся со смеху... И рассказал Онику, так звали Петросяна, как и откуда я узнал про его существование. Тут уже вдвоём начали смеяться...

Естественно, встаёт вопрос: что делает «штангист» Петросян в санчасти? А ответ прост: когда Оника призывали в армию, из горного района Армении, в военкомате посмотрели на его «товарный» вид, на его книжку кандидата в мастера спорта по тяжёлой атлетике и сразу же «забрили», толком не посмотрев медицинскую карточку, где было написано, что у

него есть определённые нарушения ритма сердца. Оник не настаивал на отстрочке или комиссовании, так как хотел служить. Однако романтизм Оника внезапно пропал, когда, попав в «королевские войска» (стройбат), он понял, что здесь нужно таскать мешки и работать лопатой, и он объявил себя больным, что, на самом деле, соответствовало действительности.

Его отправили в санчасть, оттуда – в госпиталь. Там сняли кардиограмму, констатировали сердечные нарушения, но в то же время врачи видели и другие нарушения Оника – каждодневные утренние, дневные и вечерние тренировки с гириями, и рука врачей не поднималась «списать» его и отправить домой. Оника послали обратно в роту, где через неделю он объявил, что «сэрдце болит». И снова эта несложная схема: казарма роты – санчасть – госпиталь – казарма роты... И так много раз. И везде, куда бы Оника ни посылали, он всегда брал с собой откуда-то найденные им гири...

Из санчасти меня выписали через пару недель, а после карантина ко мне подошёл командир роты и сказал, что у меня в личном деле написано, что я по специальности водитель, и командование полка решило послать меня на 6-ти месячные курсы переобучения по правилам дорожного движения ГДР. Но это уже, как сказал бы Каневский, совсем другая история...

После того, как меня отправили на курсы, я больше не видел Оника, но ввиду того, что у нас была одна строительная

бригада, по «цыганской почте» я узнал, что он пользовался в части непререкаемым авторитетом, спокойно дослужил и уехал к себе домой...

Вот такой эпизод запомнился мне из моей солдатской жизни. И могу добавить, что за два года я ни разу не был в отпуске, ни разу не получил посылку из дому. Впрочем, я рад, что мне пришлось узнать службу такую, какая она должна быть на самом деле. Мне это очень помогло в дальнейшем, и моё второе «Я» в армии постепенно отстало от меня – может, согласилось со мной, что я был прав, когда отказался от предложения служить «там, где все»...

Рассказанная мной история произошла в середине 70-х годов прошлого столетия, когда Советский Союз ещё существовал, была дружба народов, одна общность людей – советский народ, действовал Варшавский договор и многие из нас добровольно служили в армии, чтобы защитить наше общее Отечество... Но теперь всё это осталось в нашей прошлой жизни... Остались одни воспоминания, некоторые грустные, некоторые весёлые, как эта история...

*Ехбайр – по-армянски «брат».

Февраль 2015г.

Непропетая «Мурка»

1

После нескольких месяцев плена, летом 1994 года Арик с моей помощью благополучно вернулся домой...

Через неделю он со своим братом подошёл ко мне и объявил, что они режут барашка в честь его освобождения, накрывают праздничный стол и приглашают меня в качестве почётного гостя. Отказаться было крайне неудобно, я согласился.

В назначенный день и час я и мой товарищ Артур, с которым я заранее договорился, так как не хотел идти один, уже сидели у Арика дома за столом, на самом почётном месте, где собрались родственники и близкие друзья бывшего заложника. Тамадой был мужчина преклонного возраста, один из бывших руководителей нашего города во время Союза. Красивые, правильные, но короткие тосты, как у нас принято... Было весело, гости ели, пили... Раза три выпили за меня...

Тут вышел мальчик лет 8-ми и спел хорошо поставленным голосом патристическую песню. Тишина... Потом все вдруг захлопали. Тамада встал с бокалом вина и процитировал с влажными глазами слова великого армянского поэта Оване-

са Туманяна:

– «Живите дети, но не так, как мы жили...»

В уже слегка туманной моей голове пронеслась мысль: «А почему дети не должны жить так, как жил наш тамада?..»

Пока я размышлял об этом, мой друг Артур наклонился к сидящему рядом с ним мужчине и что-то тихо сказал ему. Мужчина почему-то удивлённо посмотрел на меня и в свою очередь что-то зашептал на ухо сидевшему рядом с ним человеку... Последний из гостей, сидевший рядом с тамадой, что-то сказал ему, взглядом показывая на меня. Тут я почувствовал неладное, так как тамада встал и, держа в руке бокал вина, стал удивлённо рассматривать меня. После короткой паузы он торжественно произнёс:

– Дорогие гости, наш уважаемый Альберт попросил слово и хочет для нас... спеть песню «Мурка»...

Гости с удивлением смотрели на меня, а Артур еле держался, чтобы не упасть со стула, его трясло от смеха...

Я молча встал, предварительно наступив на ногу Артура, поднял рюмку и сказал:

– Уважаемый тамада, да, я попросил слова, но не для того, чтобы спеть «Мурку», а чтобы произнести тост. Но пока мои слова дошли до вас, получился вариант испорченного телефона... Давайте выпьем за нашего Арика...

В прошлом году нашему другу Славе, проживающему в одном из горных районов Карабаха, исполнилось 55 лет, и эту дату он решил торжественно отметить. Пригласил меня и нашего общего друга Давида.

Когда мы с Давидом подъезжали к Дому торжеств, веселье было в полном разгаре. Тем не менее Слава вышел навстречу, радушно встретил нас и провёл к столу, как потом я понял, для почётных гостей. Шум, веселье, музыка, бодрый голос тамады... Нам было крайне неудобно, что опоздали. Устроились за столом. Рядом со мной сидел мужчина, держа в крепких руках большой кусок шашлыка – соблазнительное рёбрышко поросёнка, от которого он откусывал сосредоточенно, со знанием дела. Я наклонился к его уху и спросил, намного ли мы опоздали?

– Три тоста... – ответил мужчина.

Я не понял и спросил:

– Что «три тоста»?

Мужик негодуяще посмотрел на меня, потом плотоядным взглядом на рёбрышко в руках и недовольно произнёс:

– Тамада произнёс пока три тоста...

Полуотвернувшись от меня, он продолжил своё дело, от которого я его невольно оторвал.

Нам сразу налили водки, предложили выпить «штрафную». Выпив рюмку, я начал осматриваться. Моё внимание привлёк сидящий напротив меня крупный мужчина лет 50-ти, который «обрабатывал» ляжку крупной варёной индей-

ки. Я посмотрел на его полное лицо, на заплывшие жиром, немного навывкате глаза. Глядя на то, с каким аппетитом он вгрызается в белое мясо индейки, становилось ясно, что для него это самое ответственное, важное дело на данный момент. Для него никто и ничего не существовали вокруг... Тут я заметил, что к его верхней губе, в районе левой ноздри, прилепился небольшой кусок кожи индейки. Я понял, что все сидящие за столом это видят, но никто не рискует сказать ему. Сразу почувствовал антипатию к этому человеку...

Парни, обслуживающие наш стол, обращались к нему особо, подчёркнуто уважительно, называя его «товарищ А...ян». Тем временем кожица индейки на лице «Депутата», так я его про себя прозвал, стала меня нервировать...

В это время рядом суетился парень-официант с горячим блюдом, я его подозвал к себе, прошептал на ухо... Парень рысцой побежал к тамаде, что-то сказал ему на ухо, взглядом показывая на «Депутата». Бровь тамады недоумённо взлетела вверх, и тем не менее он встал и, медленно подходя к нашему столу, торжественно объявил в микрофон:

– Дорогие гости, наш многоуважаемый товарищ А...ян хочет... спеть песню «Мурка»...

Произнеся эти слова, тамада протянул микрофон «Депутату»... В зале тишина... Люди замерли от удивления... Лицо «Депутата» перекопилось от злобы, он начал медленно подниматься со стула, держа в руках местами откушенную крупную ляжку индейки. В этот момент он был похож на

солдата с гранатой в руке, готового бросить её под двигающийся на него танк...

Тут он медленно, зло покосился на меня, наши взгляды пересеклись...

Через полчаса я и «Депутат» пили мировую, а под утро и вовсе подружились...

Март 2015 г.

Чего только не привидится после...

Сидим вечером с соседом у меня дома на балконе, играем в нарды, пьём пиво. Решили слегка поужинать, выпили немного тутовочки, настроение, естественно, хорошее. Супруга, мило улыбаясь, напоминает мне, что завтра к нам приезжает дочка с мужем, и мне с утра надо пойти на рынок...

– Просыпайся, пора на базар, список на столе...

Открыв глаза, по привычке провожу тыльной стороной ладони по лицу и, как принято у меня с 18 лет, иду бриться. В голове гудит от вчерашнего, такое ощущение, что вместо мозгов в голове крутится центрифуга.

Завожу свою «шестёрку», направляюсь к рынку, ставлю машину на стоянку и вхожу через центральные ворота на территорию рынка. По привычке иду здороваться с тёзкой – Альбертом, хозяином «точки», где пекут женгялов ац*. Заказываю ему одну лепёшку, предупредив, что как закончу покупки, согласно составленному моей благоверной списку, посижу у него, поем женгялов ац и пропущу рюмочку тутовки.

Отойдя от навеса, где работает Альберт, я иду в направлении прилавков, и тут... меня охватывает чувство тревоги. Сразу не могу понять, в чём дело... Смотрю, вместо привычных овощей и фруктов на прилавках... жетоны. Продавцы,

в основном мужчины, хорошо одеты, многие в галстуках и все незнакомые. Чувствую, кто-то тянет меня за рукав. Оборачиваюсь – мужик неопределённого возраста в зелёном костюме, с глазами разного цвета – карим и зелёным, говорит скрипучим голосом:

– Уважаемый, не хотите купить себе инвалидность, будете пенсию получать. Вот, купите жетончик, и здесь же, сразу, мы оформим документы и дадим вам группу...

Отталкивая от себя мужика, иду дальше и вижу группу людей, стоящих около другого прилавка, где написано, что продаются должности в министерствах... В результате активного торга мужчина покупает себе должность начальника отдела. Заплатив за жетон, он, довольный, идёт в сопровождении друзей к выходу.

Я стою ошарашенный. Слышу крики зазывал: «Подходите, продаются места начальников отделов, главных, ведущих специалистов...»

Выясняется, что жетоны, то есть должности, можно купить за драмы, рубли, манаты, лари, евро, американские доллары... Вокруг стоит привычный для колхозного рынка гул, слышна армянская, азербайджанская, грузинская, русская речь. Голоса, лица – всё перемешивается у меня в голове...

– Вставай, надо пойти на базар, список на столе...

Открыв глаза, по привычке провожу тыльной стороной ладони по лицу и, как принято у меня с 18 лет, иду бриться. В голове гудит от вчерашнего, такое ощущение, что вместо

мозгов в голове крутится центрифуга.

Завожу свою «шестёрку», направляюсь к рынку, ставлю машину на стоянку и вхожу через центральные ворота на территорию рынка. По привычке иду здороваться с тёзкой – Альбертом, хозяином «точки», где пекут женгялов ац. Заказываю ему одну лепёшку, предупредив, что как закончу покупки, согласно составленному моей благоверной списку, посижу у него, поем женгялов ац и пропущу рюмочку тутовки...

Покупая помидоры, огурцы, баклажаны, я улыбаюсь продавцам, настроение у меня на все 100! А в голове крутится: «Прекрасно, что я живу здесь, хорошо, что у нас не продаются на базаре жетоны-должности...» В то же время в голове проносится: «В жару не стоит перемешивать пиво с тутовкой, а то и не такое может присниться...»

*Женгялов ац – хлебная лепёшка с мелко нарезанной зеленью различных видов, традиционное блюдо в кухне карабахских армян.

Июль 2015г.

Аркадич

В каждом регионе есть люди, которых даже после того, как они ушли в мир иной, вспоминают добрым словом. Естественно, вспоминая человека, вспоминают его дела и след, который он оставил после себя...

Хочу рассказать о коренном тбилисце, которого все, от мала до велика, звали «Аркадичем» и которого старшее поколение многонационального Тбилиси до сих пор прекрасно помнит и, говоря о нём, вспоминает, как он помогал людям, даже незнакомым ему. А в конце говорят, глядя в небо: «Хороший был человек... Пусть земля будет ему пухом!»

Естественно, есть небольшой вымысел в образе Аркадича, на который я, как автор, имею право. Также я хотел показать, как жили люди в то время, застойное, как сейчас говорят... Хорошее было то время или плохое – судите сами...

1

«Здрасьте, Аркадич», «Аркадич, здраствуйте», – продавщицы и немногочисленные утренние покупатели большого гастронома вежливо здоровались с высоким, грузным пожилым человеком, одетым в широкие парусиновые брюки и в лёгкую летнюю рубашку с короткими рукавами. На голове

его красовалась кепка-аэродром, которую было принято носить мужчинам в Закавказье. Чуть подняв голову, он вежливо отвечал им в ответ...

Пройдя в кабинет, Левон Аркадьевич или Аркадич, как его все звали, грузно опустился в кресло, и, задумавшись, уставился в окно. А думать ему было о чём: уже целый месяц он ломал себе голову, как перенести остановку общественного транспорта ближе метров на 50 к магазину, где он долгие годы работал заведующим. Чиновник в городском управлении, который ведал этими делами, сразу сказал, что дело трудное, потому что заведующий другим продуктовым магазином, рядом с которым находится остановка, противится этому. Но Аркадич не привык, чтобы ему отказывали, и предложил чиновнику двойной магарыч за сделку...

И вот Аркадич сидел и ждал. Нино, невысокая пожилая женщина, продавщица магазина, принесла ему, как было заведено, грушевидный стакан крепко заваренного грузинского чая с лимоном и подвинула ближе к нему вазу с сахаром и конфетами. Тут Аркадич обратил внимание на то, что под окнами его гастронома появилась машина ГАИ, которая перекрыла дорогу. Потом подъехал лафет, на который была погружена будка автобусной остановки, а за ней ехал кран. Аркадич, попивая чай, внимательно следил за происходящим. Крановщик поднял будку и стал медленно опускать её на асфальт рядом с магазином. На горизонте появился чиновник городского управления, тот самый, с кем Аркадич дого-

ворился. Вдруг Аркадич заметил своего конкурента, заведующего соседним магазином, который проти-вился переносу остановки. Тот что-то кричал, возмущался, а чиновник отвечал ему, оба они энергично размахивали руками. За двойными стёклами трудно было расслышать слова. Тут оппонент внезапно увидел в окне Аркадича, осёкся, и, понутив голову, повернул в сторону своего магазина.

– Нино, будь добра, когда закончат работу на улице, позови ко мне ГАИшника, а потом пригласи ко мне товарища Г...дзе, – сказал Аркадич подошедшей к нему Нино, которую он очень уважал и доверял ей полностью.

Через полчаса зашёл высокий, грузный капитан, поздоровался с Аркадичем и, не дождавшись приглашения сесть, молча застыл на месте. Аркадич достал из ящика стола 50-рублёвую купюру и протянул ГАИшнику, сказав: «Мадлоба»*. Не моргнув глазом, капитан милиции сделал какое-то неуловимое движение пальцами, и купюра исчезла в его руках. Аркадич удивлённо посмотрел на руки милиционера, потом на его лицо и, улыбаясь, восхищённо произнёс на русском:

–Фокусник!

Капитан тоже улыбнулся, слегка поклонившись, пожал руку Аркадичу и вышел. Почти следом зашёл чиновник. Аркадич не встал с места, только лишь приподнялся, приглашая того сесть.

– Нино, чаю нам и... – крикнул Аркадич.

Было такое ощущение, что Нино только и ждала этой команды. Секунд через 20 она вошла с подносом в руках, на которой были заварной чайник, два грушевидных стакана, нарезанный лимон в блюдечке и бутылка армянского коньяка...

Через час чиновник, молодой человек в прекрасном костюме белого цвета, из кармана пиджака которого выглядывал конверт с магарычем Аркадича, с туманными глазами и красными щёками неуверенно направился к выходу, где его ожидала служебная машина.

– Не может молодёжь пить, обмельчала... – недовольно произнёс вслух Аркадич, обращаясь к Нино, убиравшей со стола две пустые бутылки армянского коньяка...

Выйдя на улицу и придирчиво осмотрев новую остановку, Аркадич остался доволен. «Прибыль увеличится в разы», – подумал он и вошёл обратно в магазин. Рабочий день начался хорошо, плодотворно...

2

Аркадича знал весь Тбилиси, горожане его уважали и немного побаивались из-за его крутого нрава. В то же время работники магазина – армяне и грузины – любили его: при всей своей строгости он помогал, если кому что-то нужно было, решал все вопросы на любом уровне.

Аркадич родился в 1907-ом году в Тбилиси, в большой

семье: у него было 10 братьев и сестёр, жили они небогато. Чуть повзрослев, дети шли работать, чтобы помочь родителям прокормить семью. В 28 лет Аркадич влюбился в соседку Соню, которая была младше него почти на десять лет. Она ему очень нравилась: высокая, с чёрными волосами, белокожая, с большими армянскими глазами, но... Было одно «но», которое сдерживало Аркадича – отец Сони служил в НКВД и был на высокой должности... Однако, видя, что дочь тоже любит Левона, отец Сони дал согласие, и была сыграна небольшая, но весёлая свадьба. За годы счастливой совместной жизни у молодых родились дочь и два сына. Тут необходимо отметить, что параллельно у Аркадича была целая армия племянников и племянниц, которая с каждым годом всё увеличивалась...

В Великую Отечественную Аркадича не призвали на фронт, у него была бронь. После войны он работал на разных должностях, пока не стал заведующим большого гастронома в центре Тбилиси. Весь город знал: нужна чёрная икра – к Аркадичу, нужны армянский коньяк, бастурма или суджук – к Аркадичу, чешское, немецкое пиво – также к нему... Каналы доставки этих дефицитных продуктов у Аркадича работали бесперебойно, всё было налажено и продумано до мелочей: когда, кому и сколько заплатить, чтобы не было сбоя...

Подошла Нино и напомнила Аркадичу:

– Сегодня к двум часам приедет Рауф из Баку с чёрной икрой, к четырём часам – Гурген из Еревана...

Выслушав, Аркадич кивнул ей. Нино вышла, плотно закрыв за собой дверь. Он начал заранее приготавливать деньги, чтобы заплатить за деликатесы из Баку и Еревана. Считая деньги, Аркадич вдруг заметил своего племянника Жорика, который с весёлым видом проходил мимо магазина. Первое, на что он обратил внимание, у племянника не было усов! Аркадичу стало дурно, он окликнул Нино, чтобы она позвала Жорика... Надо отметить, что Аркадич категорично считал, что мужчина обязан носить усы, тем более, кавказский мужчина. У него самого были пышные усы, которые он всегда любил поглаживать и которыми гордился...

Жорик два месяца пробыл в Москве, приехал оттуда всего пару дней назад и до сих пор был под впечатлением своих приключений в столице. Услышав голос Нино и указание зайти к Аркадичу, которого он всегда побаивался, парень напрягся и первой мыслью его было убежать... Осторожно приоткрыв дверь и войдя в кабинет Аркадича, Жорик предстал перед ним, опустив голову.

– Ты что, негодник, где твои усы?! Сеперавор** ты, вот ты кто! Разве не знаешь, что мужчина без усов – как корабль без парусов, как женщина без трусов?! Вон! Чтобы я тебя не видел, пока не отрастёшь усы! На глаза мне не показывайся! – гневно закричал на племянника Аркадич.

В течение секунды Жорика уже не было в кабинете...

Расплатившись с Рауфом и Гургеном, Аркадич позвал Нино и сказал, что едет домой пообедать. В это время послы-

шался приближающийся знакомый женский голос. Вошла симпатичная блондинка средних лет... Нино зло посмотрела на неё, вышла и почти сразу же принесла коньяк, шоколад, разрезанный лимон...

– Меня нет... Ни для кого, – сказал ласковым голосом Аркадич, обращаясь к Нино, по ходу усаживая гостью на диван...

Блондинка была женой военного генерала, частенько заезжала к Аркадичу и, пользуясь его добротой и широтой кавказской души, бесплатно, в виде презента, получала разные деликатесы. Сам генерал пару раз заходил в гастроном с недовольным видом, но было явно заметно, что он приходил не отовариваться, а посмотреть на Аркадича...

3

Сев в свою «Волгу» «ГАЗ-21» чёрного цвета с «зеркальными» номерами, Аркадич медленно поехал по улицам родного Тбилиси...

Войдя в дом, он увидел родную сестру с сыном. «Наверное, снова надо будет звонить в милицию... Интересно, что на это раз этот чатлах*** натворил...» – здороваясь с сестрой и не обращая внимания на племянника, подумал Аркадич...

Позвонив начальнику милиции района и решив вопрос оболтуса-племянника, Аркадич собрался принять душ, от-

дохнуть и повозиться с внуком Серго. Трёхлетний пацанёнок с чёрными шустрыми глазами запал в душу Аркадичу. Из всех своих внуков он выделил этого малыша, называя его Гайлом****. «Из этого малыша выйдет толк, запомните мои слова», – всегда говорил Аркадич, сажая Серго на колени, угощая конфетами, мандаринами и прочими сладостями.

Часам к 10-ти ночи зазвонил телефон. Аркадич взял трубку, поздоровался и... Тут он побледнел, голос задрожал... Вся семья напряглась, только малыш Серго, не понимая, что с дедом в такие минуты опасно общаться, тянул его за рукав рубашки, требуя поиграть с ним...

– Где... Ваню? – тихо, сиплым, не предвещавшим ничего хорошего голосом произнёс он, положив трубку телефона.

В ответ тишина...

– Ара, Ваню! – крикнул Аркадич.

Из другой комнаты выскочил Ваню, двадцатилетний младший сын Аркадича, встал около отца, понурил голову. Все боялись смотреть на перекошенное лицо Аркадича.

– Ты что купил сегодня в магазине у Гиви? – спросил он тихим голосом.

Молчание. Аркадич повторил вопрос.

– Рыбные консервы «Кильки...» – шёпотом ответил Ваню.

Тут Аркадича понесло, он так раскричался, что стены дома задрожали от его разъярённого голоса:

– Что ты натворил!? Что скажет Гиви, завмаг, мой коллега?! Что сын Аркадича ест «Кильки»?» Что, у нас нет чёрной

икры, что ли?! Что скажут соседи, родственники, друзья?! Это же на радость моим недругам! Позор, хайтарак*****, как я буду людям в глаза смотреть?!

– Папа, я не люблю икру... – хотел было объяснить отцу сын...

– Где банка? Покажи! – сквозь зубы проговорил Аркадич. Ваню молча подошёл к холодильнику, достал с нижней полки недоеденную им банку «Кильков» и поставил на стол. Аркадич брезгливо взглянул на банку. С банки же, мило улыбаясь Аркадичу, смотрела на него рыбёшка...

– Соник, выкинь эту дрянь! – приказал он супруге, а затем обратился сыну: – Ты хоть понимаешь, что натворил? Как я буду ходить по Тбилиси!? Вай, что будут говорить люди... Сын Аркадича ест «Кильки»!

Тут же, резко повернувшись к жене, сказал:

– Принеси икру и ложку!

Жена послушно достала из холодильника трёхлитровый баллон, наполненный чёрной икрой, поставила на стол.

– Ешь! – сухо скомандовал Аркадич, обращаясь к сыну.

Ваню молча сел за стол, взял столовую ложку, кусок хлеба и, давясь, начал есть чёрную икру...

Аркадич скончался в 1969-ом году, практически до пенсии работая завмагом в своём родном гастрономе. До конца своей жизни он помогал людям, ему приходилось решать проблемы всей своей семьи, проблемы целой армии род-

ственников – племянников, племянниц, их детей. Он уставал от всего этого, но в то же время получал удовольствие от того, что может помочь кому-то, что он востребован...

Аркадича провожали всем городом... За гробом шла его семья, многочисленные племянники и племянницы, их дети. Все плакали, причитая, что потеряли Отца...

*Мадлоба – на грузинском «спасибо»

**Сеперавор – на старом тбилисском сленге «гомик»

***Чатлах – на армянском сленге «мерзавец»

****Гайл – на армянском «волк»

***** Хайтарак – на армянском «позор».

Октябрь 2015 г.

Стакан чая

1

Седой, грузный полковник сидел в кабинете за столом, когда позвонила секретарша и попросила:

– Товарищ полковник, у меня сегодня дома гости, разрешите пораньше уйти с работы?

Получив «добро», она продолжила:

– Может, принести вам стакан чая?

Услышав слова секретарши, полковник улыбнулся в свои седые усы и вежливо отказался...

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, продолжая чему-то улыбаться. Слова секретарши о стакане чая перекинули его в далёкое прошлое, когда он был не полковником Бадаловым Рафаелом Георгиевичем, начальником управления, а молодым инспектором, лейтенантом Рафиком Бадаловым...

Весенним солнечным утром Рафик сидел в кабинете и знакомился с документами, полученными им в секретариате. Молодой подтянутый лейтенант, он вызывал зависть у коллег, которые успели обзавестись брюшком и вторым, а некоторые, даже и третьим подбородком. А молодые девушки-сотрудницы смотрели на него с интересом, видя в нём по-

тениального жениха и будучи не прочь связать с ним свою судьбу.

В это время тревожно зазвонил телефон начальника. Рафик резко схватил трубку.

– Поднимись ко мне, – услышал он голос шефа.

Войдя в кабинет начальника, Рафик, как положено, представился, встав в стойку «смирно». В кабинете кроме самого начальника сидел солидный полковник славянской внешности.

Собираясь сделать при госте замечание, начальник со строгим, изучающим взглядом посмотрел на молодого лейтенанта, несколько месяцев назад окончившего училище и прибывшего для прохождения дальнейшей службы в этот горный край. Но лейтенант стоял навытяжку, был одет, как положено по Уставу, и придрататься к нему причин не было.

Заметив оценивающие, одобрительные взгляды двух полковников, Рафик покраснел.

– Лейтенант, будешь сопровождать прибывшего к нам из Москвы для проверки полковника Петрова по всем нашим районам. На местах уже знают о вашем приезде и будут ждать. Выезд через 20 минут. Свободен, – строго сказал начальник Рафику.

Ответив «Есть!» и повернувшись на 180 градусов, как того требует Устав, Рафик вышел из кабинета начальника и пошёл собираться в дорогу.

Минут через 15 подошёл полковник Петров, поздоровал-

ся с Рафиком за руку и весело произнёс:

– Ну что, лейтенант, поехали?

Для этой поездки начальник Рафика предоставил свою «Волгу» чёрного цвета. Рафик понял, что инициатива у него в руках, и он должен сам решать, с какого района полковник начнёт проверку. И решил, что можно начать с близлежащего.

Подъехали к зданию, где располагался ближайший к городу районный отдел. Начальник отдела сам встретил их и повёл к себе в кабинет. Грузный, добродушный подполковник сразу предложил москвичу:

– Давайте перед началом проверки выпьем стакан чая, а потом приступим к работе.

Полковник Петров немного замешкался, но, посмотрев на добродушное лицо начальника отдела, согласился...

Спустились в буфет отдела, где был накрыт стол, на котором было всё, кроме чая... Хорошие кавказские тосты, анекдоты, приятная официантка, обслуживающая их, настроили москвича на благодушный лад. Рафик в то время не мог пить так, как положено кавказцу, да и прежняя курсантская жизнь в плане употребления спиртных напитков не очень-то баловала его, поэтому он ограничился 50-ю граммами домашней крепкой водки...

Начальник отдела тепло попрощался с полковником Петровым, они обменялись телефонами. Краем глаза Рафик заметил, что кто-то из сотрудников отдела ставит в багажник

«Волжанки» большой пакет, откуда выглядывали горлышки бутылок коньяка. Послышался весёлый перезвон бутылок, и Рафик заметил, что у полковника настроение резко поднялось...

По дороге в следующий район москвич восхищался красотой горного края, даже прочитал стихотворение Лермонтова о Кавказе...

2

Подъехав к следующему отделу, в соседнем районе, Рафик издали заметил начальника отдела, дожидавшегося их во дворе. Представившись, начальник отдела в звании майора сразу же предложил им выпить стакан чая.

– Да, чай сейчас нам не помешал бы... – ответил полковник Петров.

Майор обрадовался и предложил поехать на своей машине...

Рафик чувствовал, что будет дальше, но молчал... В ушах у него звенел строгий голос своего начальника: «На местах уже знают о вашем приезде и будут ждать».

Машина вывезла их за пределы небольшого городка и подъехала к ресторану, находящемуся в лесу. Там уже ждали...

Тосты, приятные разговоры... «А когда же будет проверка?» – невольно подумал Рафик, добросовестно «обрабаты-

вая» рёбрышко поросёнка...

Уезжая, майор и полковник обменялись телефонами. Рафик краем глаза следил, принесут ли и здесь презент москвичу. И также, как в первом районе, кто-то из сотрудников положил в багажник автомобиля большой кулёк...

После выпитой второй рюмки домашней водки Рафик чувствовал, что немного хмелеет. По лицу и разговору московского полковника никто не смог бы предположить, что этот человек выпил уже не один десяток рюмок крепкой домашней водочки... «Ну, даёт полковник... железный!» – подумал Рафик засыпая. За то короткое время, что он спал, ему приснился сон, где официант в полковничьей форме с лицом Петрова приносит на подносе чарку водки с солёным огурцом и, улыбаясь, говорит:

– Не изволите ли искушать водочки, товарищ лейтенант?

Рафика разбудил водитель, сказав, что подъезжают к зданию очередного отдела. Начальник ожидал «комиссию» в своём кабинете. Это был высокий, крупный, шумный подполковник, который сразу же бодро сказал:

– Знаю, что были в наших районах. Уверен, что мои коллеги-начальники отделов вас просто так не отпустили... Поэтому у меня есть предложение – выпьем по стаканчику чая, а потом начинайте проверку.

Рафику показалось, что полковник откажется, но тот, подумав, ответил начальнику отдела:

– Коль мы в двух районных отделах пообедали, не могу

отказать вам, но прошу, только стакан чая...

На это начальник отдела, хитро улыбаясь в усы, с воодушевлением сказал:

– Ну, конечно, конечно, как прикажете, товарищ полковник!

Естественно, Рафик не поверил начальнику отдела, но смолчал.

В «стакан чая», как и в предыдущих районах, входили: прекрасный шашлык из свинины и ягнёнка, хашлама, козий сыр, зелень, домашние соленья, разнообразные салаты, домашняя и заводская водка, вино и т.д. Тосты, приятные разговоры, острые анекдоты... Рафик заметил, что полковник начинает хмелеть, но всё равно превосходно держался...

Когда прощались, в багажник автомобиля, как и в других районах, положили для полковника презент – на этот раз это была целая клетка прекрасного коньяка...

Рафик решил, что они поедут ещё в один горный район, а потом вернутся обратно. Он заметил, что полковник уже нервничает. В разговоре тот даже высказал мысль, что толком и не проверил ничего... «Наконец-то вспомнил работу...» – с иронией подумал Рафик.

Подъехали к районному отделу. Встретил дежурный и проводил в кабинет начальника. Начальник отдела майор встал с места, представился полковнику. Поговорив минуты две, майор предложил:

– Давайте сейчас выпьем по стаканчику чая...

Тут полковник вскочил с места, стал перебивать майора, чуть ли не крича:

– Знаю уже я ваш «стакан чая»! Нет!

Майор выслушал москвича со спокойной улыбкой и произнёс:

– Я в реале имел в виду стакан чая...

Он нажал клавишу на селекторе. Почти сразу открылась дверь, и в кабинет вошла миловидная девушка с подносом в руках, на котором были три стакана чая, ваза с конфетами и колотым сахаром.

– А то, что вы подумали, товарищ полковник, – улыбаясь произнёс майор, – будет чуть позже...

На следующий день утром в кабинет к Рафику вошёл полковник Петров с бутылочкой коньяка. Рафик вскочил, поправил полы форменного кителя и встал в стойку «смирно».

– Лейтенант, спасибо за вчерашний день, а это презент лично от меня, – улыбаясь произнёс москвич...

Прошло много лет. Полковник Бадалов располнел, на погонах появились большие звёздочки и к нему уже обращались по имени и отчеству. Но часто, с грустью и ностальгией, он вспоминает тот период своей жизни, когда носил форму 46-го размера и каждый день по утрам спокойно делал пробежку в 5 км, а после шёл на службу...

Вот и сейчас полковник Бадалов с улыбкой вспомнил, как он, будучи «зелёным» лейтенантом, сопровождал полковника из Москвы, и как везде им предлагали выпить «стакан

чая»...

«Добрые были времена...» – с улыбкой подумал он...

Январь 2016г.

Судьба на колени

*Ну что сказать, ну что сказать,
Устроены так люди,
Желают знать, желают знать,
Желают знать что будет...
Из кинофильма «Ах, водевиль, водевиль...»*

Вадим, как было принято у него, вечерами «прогуливался» по соцсетям, а точнее, дурака валял, когда на его мобильник поздно вечером поступил звонок. «Кого это чёрт носит в это время?» – подумал он, посмотрев на настенные часы, которые показывали 22.24 и недовольным голосом ответил:
– Слушаю...

На том конце провода нежный женский голос извинился, что звонит так поздно. Услышав приятный голос и слова извинения, Вадим смягчился... Девушка сказала Вадиму, что хотела бы завтра с ним встретиться и взять интервью...

Утром Вадим сидел в офисе в ожидании Гаяне, звонившей накануне журналистки. Ровно в назначенное время послышался стук каблучков. Вадим встал с места, открыл дверь и опешил: перед ним стояла молодая красивая женщина-ша-тенка, лет 28-ми, высокая, стройная, в коричневой блузке, в короткой юбке того же цвета, с коричневой сумочкой в ру-

ках. На лице были солнцезащитные очки под цвет блузки, сумочки и юбки...

Усадив гостью, Вадим не мог оторвать глаз от её красивого лица, карих глаз... Гаяне закинула ногу на ногу, края юбки задрались, обнажив красивые, полноватые, белые колени. Она поставила перед Вадимом микрофон и начала задавать вопросы. Вадим старался сосредоточиться, но это было практически невозможно...

– Разрешите угостить вас кофе или чаем, – предложил Вадим гостю, чтобы немного отвлечься и прийти в себя. Гаяне попросила кофе.

Вадим с радостью вскочил, вытирая носовым платком вспотевший лоб, и пошёл готовить кофе. Вернувшись, Вадим поставил чашку перед девушкой, вторую перед собой и начал спокойно отвечать на вопросы.

Тема Вадиму была знакома – буквально год назад у него был соответствующий проект.

Он старался не замечать оголившиеся колени журналистки, но они магнитом притягивали взгляд, ослепляя своей красотой и белизной. В какой-то момент Вадим неловко задел локтём свою чашку, которая опрокинулась прямо на коленку Гаяне. Оба они вскочили. Вадим схватил со стола салфетку и, извинившись, протянул ей. На лице девушки появилась злость, но она быстро взяла себя в руки и нагнулась, чтобы вытереть салфеткой потёки кофе на своей ноге...

Надо отметить, что с чувством юмора Вадим был на «ты»,

и это чувство нехоти посетило его в этот момент.

– Подождите, Гаяне, не вытирайте, – вдруг сказал Вадим опешившей девушке и начал деловито изучать кофейные потёки на белой ноге девушки.

– Через две недели или два месяца вас ожидает дальняя дорога... Вижу торжественное мероприятие... – с серьёзным видом произнёс Вадим.

У девушки глаза округлились, она удивлённо начала изучать Вадима... Тут пришло время самого Вадима удивиться такой реакции Гаяне...

Девушка молча протерла салфеткой ногу, положила микрофон в сумочку и... удалилась. Вадим свалился в кресло, проклиная себя и свой чёртов юмор...

Вечером Вадим опять «прогуливался» по соцсетям, когда на его мобильник вновь поступил звонок со знакомым номером. Гаяне... просила встречи.

Утром Вадим был в офисе и не мог найти себе места. На душе было тревожно, муторно, терзало чувство вины за случившееся, да ещё приправленное дурацким юмором...

Гаяне пришла в назначенное время. Она была спокойна и сразу же обратилась к Вадиму:

– Я вчера вечером рассказала маме, что вы мне нагадали. Она попросила узнать, какова будет моя дальнейшая судьба...

Далее из слов Гаяне Вадим узнал, что она разведена уже несколько лет, растит сына. Вадим пытался объяснить ей,

что вчерашнее его «гадание» было всего лишь шуткой, но Гаяне резко отрезала:

– Вы правильно мне нагадали: через две недели я лечу во Францию получать диплом об окончании университета. Вот теперь мы хотим знать, что меня ждёт впереди...

Видя такую настырность, Вадим решил снова пошутить, предложить ей заново опрокинуть кофейную гущу себе на ногу, чтобы он смог бы продолжить гадание, но передумал, видя, что эта симпатичная девушка не очень-то дружит с юмором.

Сделав серьёзное лицо, Вадим промолвил:

– Знаете, Гаяне, честно говоря, в кофейных потёках на вашей ноге я вчера заметил главные линии вашей жизни, которые указывали, что впереди вас ждёт счастье, творческие успехи и большая любовь...

По лицу девушки было видно, что слова Вадима ей очень понравились. Вдруг она подошла к Вадиму, поцеловала его в щеку, мило улыбнулась и ушла из офиса, покачивая красивыми бёдрами.

Вадим не ожидал такого финала, невольно опустил в кресло, щека его горела... «Как же мало надо человеку для счастья – услышать слова, которые хочется услышать... Дай Бог, чтобы у этой милой девушки в жизни всё было хорошо», – думал он, держась за горевшую огнём щеку. И вдруг к Вадиму откуда-то пришла уверенность, что у Гаяне в жизни всё будет хорошо, что по-другому и не может быть...

Вадим поймал себя на том, что уже давно сидит в кресле, держась за «раненую» щеку, и на дворе уже вечер... А в голову вдруг пришло когда-то услышанное: «И на щеке, как пощёчина, Твой поцелуй горит...»

Январь 2016г.

Как архангел Гавриил перевоспитал Алика

1

«Алик... Али-и-и-ик...» – сквозь затуманенный алкоголем мозг Алика послышался тихий мужской голос. Он попытался открыть глаза, но веки были тяжёлыми, и это оказалось выше его сил. Алик повернулся на левый бок, надеясь, что голос исчезнет...

«Али-и-и-и-и-ик...» – голос зовущего стал требовательней и показался ему очень знакомым.

Сев на краешек постели, Алик с третьей попытки попал ногами в шлёпанцы и тихо, стараясь не разбудить спящую жену, вышел в майке и трусах в коридор. «Али-и-ик...» – голос послышался со стороны балкона. Один глаз Алика был полуоткрыт, второй упорно не желал открываться. В темноте он прошёл на балкон и прислушался. «Али-и-и-ик...» – голос послышался из шкафа, где он хранил свои инструменты. Включив свет и открыв дверцу шкафа, Алик механически протянул руку и нащупал свою заначку – початую бутылку водки. С этикетки бутылки на него с улыбкой смотрел Ельцин. «Вот кто меня звал...» – ничуть не удивившись, сон-

но подумал Алик. Он на ощупь достал припрятанный пластмассовый стаканчик, наполнил его до краёв и залпом выпил. Там же на балконе находилось ведро с соленьями. Подняв крышку, Алик нащупал солёный огурец и закусил им. Послышался приятный хруст. Стало легче. После выпитой рюмки второй глаз Алика сам собой открылся. Алик посмотрел на добродушное лицо Бориса Николаевича. И вдруг Ельцин подморгнул ему. Механически Алик ответил тем же. Закупорив бутылку пробкой, он спрятал её на прежнее место...

Ложась спать, Алик вспомнил вчерашний день, как они с друзьями отдыхали на природе и последний тост Сергея: «Ну... за природу...» Положив голову на подушку, Алик заснул крепким сном...

У войны много негативных последствий: смерть, разрушения, увечья, как физические, так и моральные. Есть категория прошедших войну людей, которые не смогли reintegrироваться в общество – они просто-напросто пристрастились к спиртному. Кто-то из них перешёл запретную черту, да так, что обратно уже не было дороги, а кто-то был на полпути к этому...

Несколько лет, как Алик почувствовал сильную тягу к спиртному. Ему хотелось пить каждый день. Вспоминались разные обиды на родных, соседей, на представителей властей. Пенсия Алика была небольшая, но, тем не менее, позволяла ему каждый день выпить грамм 150-200 водки, так уже необходимые для его организма. Откуда-то появились

друзья, такие же, как он. Они почти каждый день собирались, скидывались, покупали водку, вино, закуску и, как правило, где-нибудь за городом «накрывали поляну», общались, говорили о жизни, вспоминали «минувшие дни», друзей, которых уже не было с ними. Назвать их алкоголиками было нельзя, так как никто из них практически не пьянел, не буйнил. Но у всех у них уже была зависимость от спиртного. Жена Алика устала бороться против его пагубной привычки и, видя, что всё бесполезно, махнула на него рукой...

После общения с друзьями, утром обычно болела голова, но Алик старался выспаться, пил рассол, ел горячий суп, а в редких случаях он вынужденно опохмелялся, но старался не поддаваться этой привычке...

Почти каждое утро Алик, не открывая глаз, нащупывал пальцами клавишу старенького магнитофона, находящегося на тумбочке рядом с кроватью, где с вечера была вставлена кассета с песней «Белый конь» в исполнении Александра Малинина. Эта песня Алику очень нравилась, и он мог в течение дня по несколько раз слушать её.

«...Белый конь, белый конь, от меня по степи ускакал... потерял я коня... было лето вчера, а сегодня зима...»

Алик, лёжа в постели, слушал приятный тенор Малинина. С кухни донеслась реплика супруги:

– Пить надо меньше, алкоголик несчастный, даже лошадь сбежала от тебя...

Тем временем Малинин, не обращая никакого внимания

на комментарии супруги Алика, продолжал своим приятным голосом: «...и хозяйка корчмы улыбнулась мне ...»

– Бабник, – донёлся ворчливый голос супруги.

"...Где хозяйка моя, что всю ночь обнимал, в чистом поле один на снегу я лежал..."

– Так тебя и надо, пить надо меньше... – реакция супруги не заставила ждать себя.

Алик знал, что его жена не любила эту песню и называла её «исповедью алкоголика».

Так проходили дни, недели, месяцы, годы. Алик уже чувствовал полную зависимость от спиртного и не знал, как остановиться. Он понимал, что уже подошёл к той черте, после которой идёт развод или же болезнь с летальным исходом...

«Али-и-и-ик...» – снова сквозь сон послышался голос. Но что удивило Алика – голос был незнаком, это не был голос Бориса Николаевича. Кто-то тихо, но настойчиво стучал в окно. Просыпаясь, Алик почему-то вспомнил вчерашний день и последний тост Сергея: «Ну... за женщин...»

Алик встал очень тихо, чтобы не разбудить жену, и, осторожно ступая по скрипучему паркету, пошёл на голос. Вдруг в окне гостиной он увидел... бородатого старика, одетого в белую одежду. Алик не на шутку перепугался. Какое-то время они молча смотрели друг на друга...

Старик снова настойчиво постучал в окно, маня пальцем Алика. Последний, в трусах и майке, подошёл на ватных ногах к окну и механически открыл её. Теперь он мог разглядеть незваного гостя. Это был древний старик с седой бородой, седыми густыми бровями и пронзительным взглядом. Алику сразу подумалось: «Блин, как этот дед... стоит на уровне окна, ведь третий этаж...» С испугу Алик сразу протрезвел и почувствовал, как леденеет его спина от взгляда старика...

– Вы... кто? – со страхом спросил Алик.

Старик, не отвечая ему, низким голосом промолвил:

– Есть установка, чтобы ты бросил пить.

Пауза.

– От кого эта установка? – сильным от страха голосом спросил Алик.

– От Него, – сурово ответил старик, показывая указательным пальцем вверх.

– Кто вы? – тихо переспросил Алик.

Страх не отпускал его. От взгляда гостя ему вдруг стало очень жарко, он вспотел.

Старик ответил:

– Я архангел Гавриил...

И тут он повернулся полуобком, и Алик увидел два больших белых крыла на спине незнакомца. От удивления Алик ахнул и рухнул на стул, находившийся рядом с ним. В это

время архангел взмахнул крыльями и взмыл вверх. Холодный поток воздуха, поднявшийся от взмаха крыльев, ударил в лицо Алику. Он долго смотрел вслед архангелу Гавриилу, пока тот не превратился в белую точку и где-то в районе Большой Медведицы пропал из вида...

Утром Алик проснулся и по привычке нащупал клавишу магнитофона.

«...Где же белый мой конь, где с казною сума...»

– Меньше пить надо, чтобы деньги не терять, – резко парировала Малинину проходившая мимо супруга...

Алик тихо оделся. Он чувствовал, что после вчерашнего застолья с друзьями ему надо срочно опохмелиться, никакие бульоны не помогут. Проскользнул на балкон, где у него была спрятана заправка. Пока жена занималась стиркой, Алик налил себе водочки в пластмассовый стаканчик, сразу приготовил закусочку – листик солёной капусты, и приготовился выпить водку залпом. Но... ничего не получилось. Алик не мог понять, в чём дело. Он снова преподнёс стаканчик к губам, но почувствовал сильное отвращение. С этикетки бутылки за происходящим следил огорчённый Ельцин. Как бы извинившись перед Борисом Николаевичем, Алик сделал ещё пару попыток, но итог оказался тот же – отвращение к водке только усилилось.

Под укоризненный взгляд Ельцина ничего не понимающий Алик перелил содержимое стаканчика в бутылку, положил её на место, прошёл в гостиную, где жена в это время

закрывала окно. Она недовольно посмотрела в сторону Алика и произнесла:

– Поздняя осень на дворе, холодно, зачем ты ночью открыл окно?

И вдруг Алика как током ударило – он вспомнил ночной визит архангела Гавриила! Ничего не ответив жене, Алик сел на диван и стал напряжённо думать: «Если это был сон, тогда кто открыл ночью окно?! Ведь дома кроме меня и жены никого нет... Значит... это был не сон!»

Алик прилёг на диван, закрыл глаза, чтобы супруга не доставала вопросами...

В течение дня он сделал несколько попыток выпить водки, но каждый раз чувствовал отвращение. Алик был ошарашен, он не мог понять, что случилось, почему у него вдруг появилось отвращение к спиртному...

Во второй половине дня Алику позвонили друзья, пригласили на ужин, но он отказался от встречи с ними, сославшись на плохое самочувствие...

Постепенно Алик отошёл от друзей. Впрочем, они и не переживали сильно, так как он стал уже им неинтересен. Зато у него появилась другая проблема – родители и супруга беспокоились тем, что он вообще не пьёт. Они даже предложили ему показаться врачу. «Вот интересные люди, – подумал Алик. – Пьёшь – почему пьёшь, не пьёшь – почему не пьёшь...»

Прошли месяцы, все привыкли к тому, что Алик «завя-

зал» со спиртным. Родные были рады этому, друзья – нет. Кто-то из друзей даже предположил, что жена Алика, медсестра, могла ему в пищу подсыпать чего-то... На такие разговоры Алик не обращал внимания. Он понимал, что если расскажет кому-то о визите архангела Гавриила, его засмеют, и поэтому молчал...

В один прекрасный день Алику позвонила мать друга Сергея и попросила встретиться. Через час тётя Люда была у подъезда Алика, и между ними произошёл такой разговор:

– Алик, это правда, что ты уже не пьёшь?

– Да, уже почти год, как я не употребляю спиртное.

– Как у тебя это получилось?

Тут Алик не выдержал и чистосердечно рассказал женщине о визите архангела Гавриила и об установке, которую он получил свыше. К удивлению Алика, женщина выслушала его, не выразив какого-либо сомнения. Когда Алик закончил своё повествование, женщина, подумав, открыла сумочку, достала кусок бумажки и ручкой что-то написала. Протянув бумажку, она просяще проговорила:

– Когда этот Гавриил в следующий раз появится, дай, пожалуйста, адрес Сергея...

– Тётя Люда, так это же был сон... – попытался объяснить женщине Алик, про себя подумав: «А может и не сон...»

– Сон, не сон, я не знаю, но то, что ты бросил пить – факт, – сказала мать Сергея.

Женщина ушла...

Малинина Алик уже не слушает, хотя часто с улыбкой вспоминает реплики супруги на его известную песню.

Иногда поздними вечерами Алик подходит к окну и долго смотрит в сторону созвездия Большой Медведицы, за которым скрылся архангел Гавриил в ту загадочную ночь, и думает: «А на самом ли деле была эта встреча, или мне показалось...»

Так или иначе, он был благодарен архангелу за то, что тот в корне изменил его жизнь, выполняя поручение свыше...

Тем не менее Алик держит в серванте записку с адресом Сергея, в надежде, что архангел вновь посетит его, и он сможет помочь своему бывшему товарищу...

Март 2016г.

Любовная каша

1

Заразительный пример князя Микаладзе

«Микаладзе, князь Ксаверий Георгиевич, черкашенин, потомок сладострастной княгини Тамары. Имел обольстительную наружность, и был столь охоч до женского пола, что увеличил глуповское народонаселение почти вдвое. Оставил полезное по сему предмету руководство. Умер в 1814 году от истощения сил».

М. Е. Салтыков-Щедрин («История одного города»)

Как только ни обзывали одноклассники Гургена – и уродцем, и жабой, и тряпкой. Это сильно било по его самолюбию, но он, как правило, молчал. Во время построения на физкультуре невысокий худой подросток с прыщами на лице стоял вторым с краю, практически все мальчики и почти все девочки класса были выше него ростом.

Одноклассники вынужденно якшались с ним, так как горное село, где они жили, было небольшим и почти все приходились друг другу родственниками. Учился Гурген слабо, педагоги «тянули» его, чтобы он не подрывал успеваемость класса, и с нетерпением ждали, когда он закончит школу и

пойдёт в армию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.